



МУДРОСТЬ БЫТИЯ

МАЛЫЙ ТЕАТР завершил сезон премьерой «На всякого мудреца довольно простоты» в постановке Игоря Ильинского. Небывалый, огромный успех у публики, и почти единодушное мнение у критики: спектакль не только удался — это, пожалуй, самое примечательное явление минувшего сезона.

Закономерно задаться вопросом: чем взял Малый театр, да еще в такой традиционной пьесе? И что же случилось с публикой, если она в течение почти четырех часов волновалась, аплодировала, шумно отзывалась на каждую точную реплику? А в конце обрушила просто шквал аплодисментов.

Начнем с театра. Игорь Владимирович Ильинский — долгожитель и в театре, и в жизни. Сколько на его памяти было поставлено «Мудрецов...» Островского, должно быть, и не счесть. Только сам он всегда любил пьесы и дух великого русского драматурга. Я помню, как десять лет назад на сцене Малого он поставил «Лес» — такого я не видел ни до, ни после. Какой был великолепный дуэт Ильинского и Филиппова! Какое было соединение с жизнью — громогласная, на грани трагической, болтовня о величии жизни, о служении добру, людям и хищническое сутяжничество на деле... Ильинский умеет обострить, обнажить, точно выявить в классике проблемы жизни сегодняшней.

И через десять лет снова Островский, одна из лучших его пьес, мудрая, философская, в которой старое и молодое поколения находят общие резоны.

Я много раз видел эту пьесу в разных постановках и с самыми разными исполнителями. Но наиболее памятным до постановки Игоря Ильинского был спектакль Театра им. Вахтангова, когда в нем роли Мамаева и Крутицкого играли Гриценко и Плотников. Но особенно хорош был Николай Сергеевич. Его Крутицкий — не иллюстрация вельможи из драмы давних теней, а важный сановник со всеми ухватками своей особости, резонер, ханжа, циник и к тому же самый умелый защитник и прогрессист своего сословия.

Однако тот спектакль был актерский, вместе с Николаем Сергеевичем играли Яковлев, Макасова, Казанская, Гриценко, а работу Ильинского отличает гармония — постановка, режиссура и актерский ансамбль едины, выверены мастером талантливым и многоопытным.

Как в ярмарочной несущейся карусели, старая Москва открывает двери особняков под напором неумолимого визитера, умелого проныры, ловкого льстена, богобоязненного соблазнителя. И очень скоро если по внешнему кругу вертится еще Глумов, то по внутреннему столпдержатели Москвы, их домочадцы, приживалки, гадалки все более начинают крутиться возле Глумова — он входит в обиход, в незаменимость, его ищут, его просят, его рекомендуют, его ценят. Вот-вот он будет свой. Если б не юношеская наивность — во спасение души заботиться еще об одном круге вещей, том, что складывается внутри самого Глумова. Его дерзкая натура не принимает всего происходящего, а потому ищет выхода в дневниковых записях, которые и сослужат роковую роль.

Глумова играет В. Коршунов. Актер, известный по многим работам в театре и кино. Но вот его работа в этом спектакле, пожалуй, случай особый и достойный похвалы и высокой оценки. Коршунов в одной только сцене, как мне показалось, «переживает», когда у Турусиной после прочтения дневника вслух произносит в некотором смысле речь «обвинительную»...

Чем трудна роль Глумова? Она объединяет спектакль и ведет его. От нее многое зависит. И Коршунову удалось въявь увидеть своего героя. Этим наполнением он, конечно, обязан и постановщику Игорю Ильинскому, его жизненному и творческому опыту. Скорей всего именно Ильинский увидел таким Глумова и, приближаясь к увиденному, выбрал актера, который должен был «прозреть» Глумовым. Ну что же, неожиданный выбор и точное прозрение. Глумов Ильинского и Коршунова знает, как прожить, как преуспеть, он знает, за что хвалят и любят молодежь, а за что бранят, что в ней

не принимают и почему ей отказывают в добродетелях.

Ханжество старших, в молодости умевших собой распорядиться и не лишавших себя удовольствий, а теперь напирających на мораль и всякое морализирование, имеет в спектакле вполне направленное развитие. И все участники этого нравственного разоблачения, каждый в отдельности, ведут свою партию.

Вот Мамаев в исполнении Н. А. Анненкова (одного из старейшин Малого) — глуп, самодоволен, обожаем лезть, не терпит насмешек, но к родственной душе доверчив — даже с собственной сурругой может позволить легкий флирт... Актер легко и ловко обставляет образ жизненными деталями, вроде бы безобидными прихотями стариковской страсти, умеющей соединить, столкнуть и в то же время склонной посплетничать, отвергнуть, утвердиться, чуть поскандалить. И так порхать — порхать в болтовне ни о чем, может, лишь о собственной значительности, которая на самом деле так ничтожна.

А рядом с ним, из поколения помоложе, но такой же хлыст, — Иван Иванович Городулин. Артист А. М. Торопов ни одной нотой не сфальшивил. Его Городулин — прыгающий солнечный зайчик, только и думающий, как бы поразить свой клуб прелестным спичем, эдаким неожиданным и хлестким. Он готов к свежим впечатлениям и свежим людям, способным оснастить его мыслями и наблюдениями. Ему Глумов нравится, от него он в восторге и не предаст его в трудную минуту разоблачения. Он давно понял, что Глумовы им, Городулиным и Мамаевым, нужны. В нем, Городулине, меньше, чем в Мамаеве и Крутицком, скрытого ханжества. Свойство двойной жизни, которую ведет Глумов, ему понятно, но не только понятно — это суть его собственной жизни. Только его двойная жизнь, или Мамаева, или Крутицкого, несколько иная. И если у Глумова правда и ложь — это борьба за правду, то у этих и правда, и ложь — все ложь. И Торопов прекрасно передает характер человека-маски.

НЕСОМНЕННО, общее внимание привлекает сам Игорь Ильинский, сыгравший Крутицкого. Я уже упоминал о Н. С. Плотникове в этой роли. Сходного у них много. Мастерская наших любимых и глубокопочитаемых «стариков» (какими их запомнило мое поколение) — это и Ливанов, и Яншин, и Грибов, и Жаров, и Бабочкин, и Гриценко, и Плотников — отличалась художнической и эстетической молодостью. Сколько страсти в годы уже, казалось бы, преклонные (Александр Николаевич Грибов в семьдесят лет так играл Хлынова, как теперь не играют и в сорок), сколько умелой, без перебора, эмоциональной оснастки образа... А какая точность и естественность всех проявлений человеческой природы!

Верный этой мастерской, Игорь Ильинский преодолевает свой возраст, свои недуги, мучительные и липучие в его повседневной жизни. Он живет на сцене полной жизнью Крутицкого, готового по старой генеральской привычке зычно рвануть «Эх, братушки, бравы ребяташки...» Иль подпустить стишок в лирическом раздумье, иль шаловливо бросить гусарскую реплику богомольной Турусиной, а когда-то в молодости умевшей находить утеху в страстях безумных. Он ироничный, озорной (рука его так вольно скользит по корсету вдовы). Он насмешник и шеголь, он самодур и критический реалист в оценках своего сословия и установленных порядков. Игорь Ильинский психологически так наполняет образ Крутицкого, что он не только вызывает глубокий интерес, но и рождает в нас сочувствие, сопереживательное участие и уважение к его здравому смыслу...

Как тут не восхититься, не изумиться «стариками» и не вспомнить на той же сцене Малого театра последние постановки по Островскому и Горькому безвременно ушедшего от нас Бориса Бабочкина и его собственные великолепные актерские работы в этих спектаклях... Какой заряд жизнелюбия, влюбленности в театр, сколько веры в духовные силы отечественной литературы! Такое искусство не

должно, не может уйти бесследно, не найдя преемников, бескорыстных служителей, стойких продолжателей лучших национальных традиций, ставших мировой легендой.

У ИНОГО НЕДОВЕРЧИВОГО читателя может сложиться впечатление, что рецензент настроен настолько благостно, что просто, должно быть, и не увидел очевидных несовершенств в премьерной работе театра. Можно только сожалеть, что в некоторой степени мы разучились видеть хорошее в искусстве. Тут, конечно, есть и объективные причины: к сожалению, еще немало посредственного встречаем мы в театре, кино, живописи, музыке.

Но, право же, когда появляется что-то совершенно исполненное, несущее в себе чудо искусства, то надо ли говорить о мелочах...

В слаженный ансамбль спектакля вписаны и женские образы: мать Глумова — С. Н. Фадеева, жена Мамаева — Т. А. Еремеева, вдова Турусиной — О. А. Чуваева. Может, они чуть-чуть старше своих героинь, что не проходит незаметно, но в главном их мастерское партнерство дает спектаклю необходимый импульс извечной дамской «логики», которая, по Островскому, жизни прибавляет пряностей то ли своей глупостью, то ли купеческим ханжеством, то ли целомудренностью, то ли законченной простотой нравов, той простотой, что хуже воровства...

Да, велик и многогранен А. Н. Островский, как ни пытаются его иногда низвести до талантливого бытописателя. Ан нет... Мудр и проразлив он в своей обыденности. Более ста лет прошло, как обдумывал он «Мудреца...», закладывая в него многовековые соты жизни — вечные коллизии человеческой психологии, неизменные черты русского характера, обозначенные точным словом, меткой репликой, мудрым многоопытным наблюдением.

Вот и вернулся к нам Островский не только нравоучительным разоблачителем темных сторон русской жизни. Нынешний наш недостаток материальный, распротравившийся на все слои общества, обнаружил и сходные пороки, которые высмеивал драматург. Рассуждения и монологи Крутицкого, Мамаева, Городулина и самого Глумова несут в себе приметы и жизни сегодняшней, отношений современных. Исполненные превосходным литературным языком, они вызывают бурную реакцию зала, близко воспринимающего пародийные стороны собственных отношений.

Достаточно вспомнить разговор Крутицкого и Глумова о нравоучительном «Проекте», их толкование статуса должностных лиц, где каждый сверхчеловек должен знать свой шесток. Или расхожие рассуждения Мамаева о молодых людях — как своевременно и современно они звучат! Стало быть, наша жизнь находится в таком состоянии, когда художнический и жизненный опыт Островского полезен не только для театрального развлечения и эстетического удовлетворения, но и для социально-нравственного измерения нашего духовного запаса.

Это почувствовал, понял и попытался открыть нам Игорь Ильинский своей постановкой пьесы «На всякого мудреца довольно простоты». То ли точное угадывание, то ли предсказуемое его и определили главным образом удачу спектакля, который надо было сыграть без всяких сценических и режиссерских ухищрений, столь редных в наших театрах. Надо было открыть атмосферу откровенного реализма жизни, наполнив его художественно и эстетически безупречно естественным проживанием своей роли каждым актером. Задача, которую русский национальный театр блестяще решил в начале века. Не случайно это решение было введено в ранг мирового театрального открытия.

Игорь Ильинский со своим великолепным ансамблем подтвердил — традиция жива, художественно не только полноценна, но и великолепно развита и продолжена. В ней полноудовольствие жизни и высокого искусства.

Арсений ЛАРИОНОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля. И. Ильинский и В. Коршунов. Фото П. Кривоца.

Вос. Россия, 1984, Summer, N138